

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

© 2018 г. А. Ткаченко

Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами. Под ред. А.В. КУЗНЕЦОВА, Д.Б. МАЛЫШЕВОЙ. Москва, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, 2017. 144 с.

ТКАЧЕНКО Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, Институт Африки РАН, РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, 30/1 (alexander.tkachenko@inafr.ru).

Рецензия поступила в редакцию 24.11.2017.

Ключевые слова: социально-политические и экономические дисбалансы, модернизация, развитие, глобализация, интеграционные процессы, конфликты, Китай, Россия, Индия, ЮАР, Нигерия, Индонезия, Таиланд, Саудовская Аравия, Казахстан.

Рецензируемая работа представляет собой относительно небольшое по объему, но емкое по охвату проблем и глубине анализа исследование. Авторам удалось сказать новое слово в междисциплинарных исследованиях, акцентировав научный поиск на попытках региональных лидеров Азии, Латинской Америки и Африки преодолеть в контексте процессов глобализации и модернизации многочисленные и разнохарактерные дисбалансы – экономические, политические, социальные – через углубление региональных интеграционных альянсов.

Опираясь на методологию мир-системного и сравнительного анализа, авторы попытались определить современное состояние ключевых региональных игроков, оценить проблемные, кризисные точки, потенциалы роста, “возвышения”/развития в рамках парадигмы хозяйственной регионализации, провести их сравнительное изучение и охарактеризовать прогнозируемые векторы, наиболее вероятные тенденции развития.

Исследовательский коллектив не стремился их жестко ранжировать, четко понимая, что страновые, региональные “особости” сами по себе будут отвергать “линейный” подход. При этом ряд важных дисбалансов представляется общим для всех или для большинства рассматриваемых государств, хотя степень, острота их проявления разнятся по отдельным странам. Это – неустойчивость экономического роста; безработица, в особенности среди молодежи; застойный характер и значительные масштабы бедности, социальное

неравенство; кризис моделей политической власти; нарастающие угрозы экологии, здоровью населения; проблема развития “человеческого капитала”, сопряженная с проблемой прав человека, в том числе социально-экономических; межобщинные (этноконфессиональные) конфликты, межгосударственные трения. Последовательному преодолению этих и других дисбалансов должна содействовать хозяйственная регионализация, что позволит, наряду с другими факторами, выйти на траекторию устойчивого экономического роста и социального прогресса, усилить внутререгиональную консолидацию, сделать региональное мироустройство (и шире) более гармоничным.

Весьма интересен сам по себе выбор Китая и Индии в качестве исходных объектов исследования темы дисбалансов и их международного влияния (гл. 1 и 2). Сравнение роли сложившихся политических систем современных Китая и Индии в цивилизационном развитии дает парадоксальный, на первый взгляд, ответ – несмотря на глубокие различия между ними, эти страны довольно уверенно развиваются и в экономическом отношении, и в политическом плане. Что это – частный случай, отклонение от нормы, парадокс?

Авторы гл. I “Интеграция внутреннего рынка Китая и его отношения с соседями” (А.И. Салицкий и Н.К. Семенова), широко известные своими работами по Китаю, на примере реализации этой страной стратегии инфраструктурного роста с целью устойчивого энергообеспечения промышленного и аграрного развития показали, насколько

умело Пекин преодолевает имеющиеся дисбалансы и диспаритеты, развивая современное транспортно-энергетическое хозяйство страны. Одной из особенностей этой стратегии является органичное сочетание нескольких важных народнохозяйственных целей: наряду с решением проблемы энергообеспечения Китай развивает устойчивые партнерские связи с государствами – производителями и экспортерами энергоносителей, и в этом пространстве он формирует позиции регионального лидерства. Авторы резюмируют: “Развернулись в полную силу потребительская и экологическая революции, снижается беспрецедентными темпами энергоёмкость производства и быта”. Страна отказывается от привычных, но устаревших способов хозяйствования. «Постепенно меняются и отношения с соседями, которым в рамках программ и проектов “пояса и пути” предложены новые перспективы совместного освоения Евразии» (с. 6).

Многоцелевая энергетическая стратегия Пекина включает в качестве важнейших компонентов “не только сокращение разрыва между внутренним производством и потреблением, но и активное участие в международном сотрудничестве. После арабских революций традиционные пути доставки Китаю нефти и газа с Ближнего Востока становятся все более опасными и нестабильными. В этих условиях возрастает роль и цена сухопутных энергетических коридоров из ЦА (Центральной Азии – прим. авт. рецензии)” (с. 15). Отметим – Китай участвует и в развитии атомной энергетики (Казахстан), угольной промышленности, электроэнергетики (во всех государствах ЦА), развивает трубопроводную сеть, создавая новые маршруты транспортировки энергоносителей, наращивает на этой основе свой товарооборот, активно обзаводится долевой собственностью в крупных промышленных объектах и т.д. На очереди – перспективные крупные проекты в восточных районах России, эффект от реализации которых “может превзойти самые смелые ожидания” (с. 17).

Во второй главе “Современная Индия: дисбалансы социально-экономического развития” представлена картина ускоренной трансформации индийской экономики в условиях сложившейся на протяжении длительного исторического периода демократической модели политической власти. Возможно, отмечает автор (А.Г. Володин), Индия (среднегодовые темпы роста ВВП превышают 7%) является наиболее энергично развивающейся экономикой в мире. Три основные причины лежат в основе восходящей траектории роста “крупнейшей демократии в мире” – страна довольно быстро справлялась с кризисными ситуациями, не

испытывая в отличие от многих других государств Третьего мира длительных периодов стагнации или упадка; “устойчивая эволюция политических институтов создавала и воспроизводила благоприятные условия для макроэкономической стабильности общества”; и, наконец, сложный национально-этнический, конфессиональный и сословно-кастовый состав населения “обусловил выбор системы политического представительства как оптимальной модели государственного управления” (с. 18). Хотя, как отмечается в работе, динамичный экономический рост неравномерно распределяется по различным группам населения, что таит угрозу социально-политической стабильности. Тем более, что в сложном общественном организме имеются немалые популистские преграды, все еще недостаточно развиты институты демократии и самоуправления на низовом уровне, оставляет желать лучшего ответственность властей перед народом, да и в целом природа эндогенных механизмов, затрудняющих проводимые преобразования в Индии, до сих пор не вполне понятна.

Углубить понимание проблемы помогает обращение в главе к комплексным исследованиям российских индологов. Интересен в этой связи следующий вывод: «Именно недостаточная сила, разгоняющая “волны” индустриализации, стала одной из главных причин дисбалансов социально-экономического процесса в Индии, которые проявляются в: 1) сохранении “поляризованной” модели хозяйства; 2) неравномерности развития штатов и территорий; 3) наличии обширных хинтерландов, само существование которых мешает проникновению в “поры” индийского общества отношений и институтов современного капиталистического производства; 4) недостаточной для самоподдерживающегося роста “горизонтальной” интеграции территорий и расположенных на них производственных единиц» (сс. 19-23). Это обуславливает сохранение полистадиального характера индийской экономики на обозримую перспективу.

Обращает на себя внимание и проведенный на материалах основных регионов и штатов Индии детальный анализ динамической картины проявлений социально-экономических диспаритетов, а также путей и механизмов их преодоления (сс. 22-31). Среди них отмечается особая роль внешнеэкономической деятельности. Однако “преодолеть диспропорции общественного развития с помощью системы внешнеэкономических связей (за счет экспорта информационно-технологической продукции на Запад или посредством включения хозяйственных потоков ... в систему

отношений со странами ЮВА (Юго-Восточной Азии. — А.Т.) не удастся, пока не будет нарушено гомеостатическое равновесие традиционного сектора экономики (проявляющееся, в частности, в системе разделения труда и формировании рынка рабочей силы)” (с. 31).

В третьей главе «Диспаритеты “Белиндии” или Бразильский “мир миров”» анализируются во всем их противоречии, неоднозначности процессы социально-экономической модернизации крупнейшей страны Латинской Америки — Бразилии, которая “за последние 15–20 лет продемонстрировала новаторский подход к проблеме модернизации” (с. 49). Начало бразильского экономического “чуда” относится к периоду 1967–1974 гг. (при военно-бюрократическом авторитарном режиме). Автор (**В.А. Красильщиков**) подчеркивает условность этого термина, так как отдельные важные цели модернизации — в том числе окончательное преодоление огромных масштабов бедности — так и не были достигнуты.

Несомненным успехом стало то, что на некоторых важных направлениях Бразилия достигла научно-технологического уровня стран Первого мира, заметно улучшился ряд важных макроэкономических показателей (сс. 33–35).

Все это дало основание оценивать модернизацию этой страны как консервативную, нацеленную на удовлетворение потребностей верхнего (в ощутимой мере — олигархического) привилегированного слоя общества, имитацию более высоких стандартов потребления для основной массы населения, “обновления ради укрепления старого” (приспособление латифундий к новым, изменившимся социально-экономическим условиям) и т.п.

После ухода военных из политики новый — социально ориентированный — курс на модернизацию позволил не только поднять темпы экономического роста (до среднегодовых значений свыше 3.7%), но и смягчить ряд острейших социальных проблем, положив начало преодолению глубоких дисбалансов: был сокращен разрыв между бедными и богатыми (“более 40 млн бразильцев вырвались из нищеты и бедности, коэффициент Джини упал с 0.639 до 0.548”); сократилась пропасть между развитыми районами страны (“Бельгией в Бразилии”) и бразильской периферией (“Индией в Бразилии”); впервые доходы сельских жителей стали расти быстрее, чем горожан. Хотя преодолеть за относительно короткие исторические сроки имеющиеся диспаритеты не удалось. Этому этапу и посвящено основное содержание гл. 3 (сс. 37–54).

Пока и планы по формированию общего рынка латиноамериканских стран (объединение МЕРКОСУР — стран, общий ВВП которых превышает 3.1 трлн долл.) с участием Бразилии “мало помогают противодействию указанных тенденций” (с. 47). Более перспективным направлением внешнеэкономического сотрудничества являются торгово-экономические связи с Китаем. Не умаляя значения “китайского фактора”, автор полагает, что длительная стратегия, направленная на решение проблем современной Бразилии, лежит все же в плоскости качественного повышения технологического уровня производства, развития инноваций, образования и науки, через решение социальных проблем, преодоления бедности. А комплексное решение связано с умелым использованием инструментов настройки эффективного управления сложнейшими процессами цивилизационного развития.

Гл. 4 посвящена Саудовской Аравии — крупнейшему “тяжеловесу” Арабского Машрика. В последний период набравшее экономический вес Королевство Саудовской Аравии (КСА) — хранитель главных исламских святынь, один из ведущих центров мусульманского мира, демонстрировало, и это не удивительно, нарастающую активность с претензией на доминанту в регулировании международных отношений в регионе, отягощенном рядом крупных вооруженных конфликтов.

Процессы политической модернизации затронули даже цитадель ислама при сохранении определенных черт архаики/традиций общественно-политической жизни (с. 55). Налицо и крупные дисбалансы — трения внутри королевского дома и правящей верхушки, противоречия между суннитами и шиитами. Велика доля трудовых мигрантов (ок. 15% населения страны), присутствие которых не только вносит вклад в экономику Королевства, но и оказывает серьезное негативное влияние на процесс формирования высококвалифицированных трудовых ресурсов, сужает возможности трудоустройства численно быстро растущей молодежи страны. Встающая во весь рост проблема безработицы требует принятия неотложных мер.

КСА с большим трудом расстается с “ресурсным проклятием” — саудовская петроэкономика порождает растущий дефицит бюджета, дефицит торгового и платежного балансов. За этим последовало первое в истории страны обращение к международным банкам-кредиторам за кредитами, Королевство вынуждено отказываться от ряда крупных проектов до лучших времен.

Значительное внимание в книге уделяется анализу начавшихся в середине текущего десятилетия

реформ в рамках программы “Видение Королевства Саудовская Аравия – 2030”. Они направлены на трансформацию сырьевого характера экономики, на увеличение доходов от инвестиций, реализацию ряда логистических проектов, поддержку малого бизнеса, долю которого в ВВП намечено поднять с 20 до 35%. Главное звено программы – масштабная приватизация, осуществление которой должно позволить поднять долю частного сектора в ВВП страны с 40 до 65% (с. 61). Реформе подвергнутся финансовая и административная системы страны, нефтяная сфера.

В монографии представлен анализ того, как происходящие изменения меняют не только внешнеэкономические, но и внешнеполитические балансы и дисбалансы КСА (сс. 62-69).

Автор (**Д.Б. Малышева**) приходит к выводу: регион вступил в фазу “новой геополитической реконструкции”, результаты которой во многом, если не в решающей степени, зависят от готовности КСА и других аравийских государств активно взаимодействовать в целях предотвращения гражданских войн, массовых и беспощадных бунтов, переворотов и других “прелестей”, порождаемых изъянами закоснелых моделей политической власти, “беспределом” международных террористических групп. В свете этого представляется весьма актуальным обращение к идее создания системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива.

Гл. 5 “Внутристрановые и региональные дисбалансы в Юго-Восточной Азии” особенно интересна тем, что заявленная проблематика исследуется на материале региона, “отличающегося исключительным разнообразием. Он объединяет 11 государств не только разного уровня социально-экономического развития ..., но и обладающих неповторимой спецификой географического положения, ресурсной базы, исторической судьбы и современного политического развития” (с. 70).

В центре внимания авторов (**А.А. Рогожин, Н.Г. Рогожина**) находятся Таиланд и Индонезия. На примере первой страны анализируются ключевые проблемы и риски социально-экономического развития в настоящее время и на перспективу. Интересно уже само по себе сочетание особенностей Таиланда: начавшаяся с 1960-х годов комплексная модернизация страны спустя полвека позволила ей войти в число мировых (!) лидеров по ряду важных показателей. Так, по индексу конкурентоспособности Таиланд занял 31 место среди 144 государств, по индексу уровня удовлетворенности жизнью Института Като занял место в тройке наиболее благополучных стран мира; страна входит

в тройку-пятерку крупнейших экспортеров риса и сахара, стала вторым в мире экспортером жестких дисков, крупнейшим производителем каучука и мяса птицы (с. 70). Таиланд превратился в промышленный центр региона, что позволяет ему играть роль одного из лидеров в АСЕАН.

Однако преодолеть имевшиеся дисбалансы – социальные, политические, экономические – стране до сих пор не удалось. Главный среди них – раскол в обществе между сторонниками парламентской демократии, выражающей интересы большинства населения, и приверженцами сохранения статус-кво, представляющими правящее меньшинство в лице традиционной политической элиты. Раскол грозит подорвать в очередной раз гражданский мир, а вместе с ним и экономическое благополучие, социальные достижения Таиланда.

Исследование одной крупнейшей по населению страны мусульманского мира – Индонезии – позволяет выявить и охарактеризовать особенности ключевых сфер ее развития в контексте модернизационных процессов. Оно содержит тщательно подобранный фактологический материал об этой стране, ее внутривнутриполитической жизни, роли и месте в международных процессах. Среди развивающихся государств Индонезия занимает третье место в Большой двадцатке после Китая и Индии по объему ВВП, в целом довольно успешно развиваясь экономически (среднегодовые темпы прироста ВВП в 2000–2016 гг. варьировались между 5 и 6%). Она – один из локомотивов развития АСЕАН.

Однако успешный и стабильный прогресс Индонезии, закрепление лидирующих позиций в регионе могут быть прерваны, если реальные, а не гипотетические риски воплотятся в жизнь. Среди них следует назвать перенаселенность (2/3 населения 260-миллионной страны проживает на о. Ява), осложняющую существующие этнические, социально-политические и экономические проблемы; мусульманский экстремизм, который обретает все более воинственный характер и способствует распространению транснационального терроризма, в частности, проникновению ИГИЛ (запрещенная в России организация) в государства ЮВА, усиливающему там свою подрывную активность. К числу рисков относятся также высокий уровень коррупции, которой подвержены до трети государственных чиновников; трения между контролирующими значительную часть индонезийской экономики хуацяо и местным населением; межрегиональные диспропорции, провоцирующие напряженность по линии “центр–регионы”; так называемый “военный фактор” (угроза военного переворота); ресурсный фактор – появление

и нарастание в последние годы дефицита энерго-ресурсов; обострение разнообразных экологических проблем и другие.

Своеобразное звучание темы рецензируемой монографии раскрывается в гл. 6 “Африка Южнее Сахары: противоречия развития и регионализм”. Регион, насчитывающий 47 государств, более чем полвека в своем развитии в значительной мере полагался на разработку природных ресурсов в рамках стратегии догоняющего развития. Однако это не принесло африканцам процветания, исключая несколько стран. Дисбалансов и диспаритетов здесь более чем достаточно. И лишь в недавний период – в 2000-е годы наметился перелом в ситуации, который эксперты связывают с несколькими факторами. Среди них – оживление деятельности восьми региональных организаций. Особый акцент в их деятельности делается на поддержку интеграционных процессов континентальных масштабов, включающий обширную институциональную реформу – формирование ключевых финансовых институтов, создание Континентальной зоны свободной торговли, обеспечение условий для свободного перемещения людей и “формирование общей идентичности”, стремление покончить с конфликтами, которые подрывают инвестиционный климат во многих районах континента. Эти меры увязываются с реализацией принятой Африканским союзом “дорожной карты” развития Африки до 2063 г. Ее цель – интеграция наименее интегрированных среди всех регионов мира африканских государств, “открывающая границы, объединяющая рынки и говорящая единым голосом на мировой арене, на базе возрождения идей panaфриканизма и стимулирования всестороннего развития континента” (с. 100).

Несомненно, полезным и необходимым дополнением “общего”/целостного взгляда на проблему является обращение автора (**Э.Е. Лебедева**) к конкретным страновым примерам – Нигерии, ЮАР, западноафриканским государствам.

Завершает работу гл. 7, посвященная региональным процессам в постсоветской Центральной Азии и роли в них Казахстана. При всех различиях в природно-климатических условиях, в политических моделях сложившихся в постсоветский период, каждое из государств региона во многом повторяет путь, “рисунки” развития управляемой или имитационной демократии. Последняя служит власти способом защиты от реальной демократии, опасной для правящих групп и лидеров, представляющих интересы региональных, клановых, земляческих, родовых объединений в условиях наличия многих острейших социальных проблем,

обнажившихся после распада советской системы. При этом защитительные функции не являются панацеей от многих дисбалансов, проявляющихся в “слабости государственных институтов и отсутствии надежных механизмов передачи власти; экономической зависимости государств от одного-двух экспортных товаров; уязвимости инфраструктуры; высокого уровня бедности во многих районах ЦА; высокого уровня безработицы среди молодого и быстро растущего населения; неурегулированности пограничных споров” и растущей борьбы за ограниченные ресурсы, в особенности при обостряющемся дефиците водных и земельных ресурсов; этнической чересполосицы (с. 127). На фоне “повсеместного провала институциональных реформ в странах ЦА и мирового финансово-экономического кризиса” латентные дисбалансы только обострились (с. 128).

Углубление региональной интеграции могло бы смягчить их проявления в государствах ЦА. Но для реализации такого курса многие практические шаги приходится начинать с очень низкой отметки ранее достигнутого, в частности в области взаимной торговли. Идут поиски совместных инициатив, конечной целью которых является формирование единого торгового и экономического пространства, а также по другим направлениям (Таможенный союз – ТС с Россией, единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз, заработавший в 2015 г., рассматриваются и возможности более широкого экономического союза – с ШОС, АСЕАН, ЕС и др.). Авторы (**А.В. Кузнецов, Д.Б. Мальшева**), вместе с тем, вскрывают и реальные трудности на этих направлениях.

С учетом центральной роли, которая объективно в ЦА принадлежит Казахстану, в главе отдельно анализируются дисбалансы этого государства в их связи с интеграционными процессами.

При всей основательной фундированности, тщательно выверенной аргументации высказанных в работе оценок и суждений, отдельные положения, содержащиеся в монографии, как минимум, требуют уточнения. В частности, в книге утверждается: “Именно в сфере обеспечения безопасности и мира роль АС (Африканского союза) оказалась наиболее заметной и достаточно эффективной на фоне очевидной неспособности ООН адекватно реагировать на многочисленные конфликты...” (с. 102). Представляется, что упреки в отношении миротворческих операций, проводимых ООН и АС, в одинаковой мере могут быть адресованы обеим этим организациям. Слабые стороны их операций известны

(это – особая тема), и дело не столько в мере ответственности (думается, что как у партнеров, она – равная, а они выступают именно как партнеры), а в том, чтобы ООН и АС совместно преодолели бы, и как можно быстрее, имеющиеся пробелы, “узкие места” и работали бы слаженно. Но здесь, отмечается в работе, немало проблем – финансовых, организационных, “мировоззренческих”.

В целом рецензируемая книга – первое комплексное фундаментальное исследование актуальной и исключительно важной в научном и практическом отношениях темы политического и экономического лидерства в ракурсе мировых процессов хозяйственной регионализации и преодоления дисбалансов – несомненно, будет встречена с большим интересом и учеными, и практиками – специалистами-международниками.

FORMING REGIONAL LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF POLYCENTRIC WORLD

[Review of the book: *The Major Developing States' Imbalances and the Specificity of their Interaction with the Neighboring Countries*. Kuznetsov A.V., Malysheva D.B., eds. Moscow, IMEMO, 2017. 144 p. (In Russ.)]
(*World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 123-128)

Received 24.11.2017.

Alexander A. TKACHENKO (alexander.tkachenko@inafr.ru),
Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences (InAfr, RAS), Spiridonovka Str., 30/1, Moscow,
123001, Russian Federation.

Keywords: socio-political and economic imbalances, modernization, development, globalization, integration processes, conflicts, China, Russia, India, the SAR, Nigeria, Indonesia, Thailand, the Saudi Arabia, Razakhstan.

About author:

Alexander A. TKACHENKO, Cand. Sci. (Econ.), Head of Center.